

Сесилия Витс Джемисон

ЛЕДИ ДЖЕЙН

Беве́рли Кли́ри

РАМОНА ХУАНГАНКА

По́ль Берна

ЛОШАДЬ БЕЗ ГОЛОВЫ

Поль Берна

Лошадь без головы

Берна П.

Лошадь без головы / П. Берна —

Захватывающая детективная история известного французского писателя Поля Берна. Главными героями его романа стали ребята из небольшого французского городка и их любимая игрушка - деревянная лошадка.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Поль Берна Лошадь без головы

Глава 1

ЧУДЕСНЫЙ ЧЕТВЕРГ

Вся компания собралась, как обычно, под предводительством Габи на верхнем конце холмистой улицы Маленьких Бедняков, перед домом, где жил Фернан Дуэн. Десять ребят садились по очереди на лошадь без головы и мчались вниз. А внизу проходила дорога Черной Коровы. Тут всадник соскакивал наземь и, ведя лошадь за собой, быстро возвращался к товарищам. Те ждали его с нетерпением.

Однажды маленькая собачница Марион, спускаясь этак на лошади, сшибла какого-то старика. С тех пор было решено ставить внизу малыша Бонбона: он задерживал прохожих и предупреждал товарищей, когда приближался транспорт. Лошадь катилась на своих трех железных колесах со страшным шумом. Это бывало чудесно! Чем ближе к дороге Черной Коровы, тем опаснее. Но именно это и придавало всему катанию особую прелесть. Внизу, у самого спуска, лошадь неожиданно взлетала на небольшой бугорок и с разбегу падала прямо на откос участка Пеке, позади которого начинались голые, серые поля.

Две секунды всаднику казалось, что он летит по воздуху. Если вовремя не затормозить пятками, то сразу кубарем – и хлоп со всего размаха о мостовую. У ребят это называлось «спланировать». Каждый раз, когда лошадь падала, ее пустые бока ударялись о камни и издавали глухой звук. Туго ей приходилось, этой бедной лошадке!

Вот уже год, как она принадлежала Фернану. Один старьевщик из квартала Бакюс уступил ее отцу Фернана за три пачки табака.

Утром, в день Рождества, Фернан проснулся и увидел рядом со своими башмаками лошадь. Целых пять минут он не мог произнести ни слова: парень онемел от восторга. Хотя восторгаться, собственно говоря, было нечем: у лошади уже и тогда не было головы.

Морда, которую смастерил из картона отец Фернана, не продержалась и двух дней. Марион сломала ее в первое же свое катание: она со всего разгона налетела на тележку старика Мазюрье, торговца углем с улицы Сесиль.

Лошадь свалилась в канаву. У нее здорово пострадали передние ноги. А задние были совсем переломаны. О хвосте и говорить нечего – хвоста никогда не было. Было только туловище – серое в яблоках, с маленьким коричневым седлом, нарисованным на спине. Но краска облезла. Разумеется, у этого старого трехколесного рысака не было также ни педалей, ни цепи. Но ведь так не бывает, чтобы имелось все. В таком виде старьевщик ее и продал.

И все же эта лошадка неслась на своих трех колесах вниз по улице Маленьких Бедняков, прямо-таки как зебра какая-нибудь.

Завистники с улицы Ферран уверяли, что этот обрубок можно с таким же успехом называть не только лошадкой, но и ослом и даже поросенком. И лучше всего поросенком. Завистники говорили, что ковбоям с улицы Маленьких Бедняков нечего задаваться своей безголовой свиньей, что рано или поздно они сломают собственные головы и что так им и следует.

Надо сознаться, что первое время дрессировка безголовой лошади давалась довольно-таки трудно. Фернан сильно разбил колено о забор пакгауза Сезара Аравана, а Марион оставила два зуба в туннеле Понсо. Было очень больно. Но колено зажило через три дня, а новые зубы выросли через две недели.

Лошадь продолжала мчаться и мчалась отлично, как и надо было ожидать от лошадки, живущей в железнодорожном поселке, где все здоровые мужчины только тем и заняты, что заставляют мчаться поезда.

И наконец, именно благодаря лошади Фернану удалось добиться того, чтобы в компанию была принята Марион. А компания, где жоком был Габи, считалась самой недоступной из всех тайных организаций на Лювиньи-Сортировочной.

После долгих и трудных переговоров было решено пользоваться лошастью один раз в день; и каждый будет иметь право прокатиться не больше двух раз, чтобы не переутомлять ее. Считали, что даже при такой небольшой нагрузке лошадка долго не протянет – самое большее до Пасхи. Однако, несмотря на страшнейшие испытания, лошадь держалась и продолжала во весь опор носиться по улице Маленьких Бедняков. Габи, проделывавший весь спуск без торможения, довел свой рекорд до тридцати пяти секунд.

Занятие этим редким и рискованным спортом сильно укрепило дружбу, которая и раньше объединяла всю компанию. Габи сознательно ограничил число членов и не принимал никого старше двенадцати лет. Он утверждал, что, «достигнув двенадцати лет, человек становится круглым дураком, и еще хорошо, если не на всю жизнь». Скверно было то, что предельный возраст подкрадывался и к самому Габи, и парень втайне мечтал продлить его до четырнадцати лет, чтобы получить маленькую отсрочку.

Под насмешливыми взглядами товарищей начал спускаться с горы Татав, старший брат малыша Бонбона.

– Он тяжелый – ему нельзя позволить спускаться больше одного раза, – заметила Марион. – Когда-нибудь этот толстяк совсем раздавит лошадку и погнет колеса.

Внизу, метрах в пятидесяти, стоял Бонбон и смотрел, что делается на улице Сесиль. Вот он помахал обеими руками, – значит, путь свободен. Татав промчался метеором, держась за ржавый руль.

– Он большой и тяжелый, и никогда он не проедет лучше, чем Габи, – сказал испанец Жуан, пожимая плечами. – К тому же у Татава поджилки трясутся: он начинает тормозить за двадцать метров от Черной Коровы... Когда-нибудь надо будет привязать ему ноги к рулю и так спустить вниз...

Улица Маленьких Бедняков описывала в своем нижнем конце длинную петлю. Ребята ждали. Ждать пришлось недолго. Они услышали громкий звон разбитого стекла, пронзительные крики, град ругательств и отчетливые, сухие звуки шлепков.

– Так и есть! Татав на кого-то налетел! – проворчал Габи, стиснув зубы. – Этого толстяка посади верхом на тюфяк, он все равно что-нибудь натворит!

– Пойдем посмотрим, – предложил Фернан, обеспокоенный судьбой лошади.

– Внизу остались Зидор и Мели, – сказала Марион. – Они и без нас помогут ему...

Габи машинально огляделся: кроме собачницы Марион, Фернана и Жуана здесь были Берта Гедеон и негритенок Крикэ Лярикэ из Бакюса.

– А все-таки дойдем до улицы Сесиль, – сказал Фернан. – Нельзя их оставить одних: а вдруг там беда...

Дойдя до перекрестка, они увидели, как из-за угла медленно выходили Зидор и Мели. Зидор Леш тащил за руль несчастную лошадь, которая передвигалась уже только на двух колесах. Весь красный от волнения, Татав шел рядом с ним, немного прихрамывая; у него в руках было третье колесо. Амели Бабен замыкала шествие и беззвучно посмеивалась, растянув рот до ушей. Время от времени она оборачивалась и смотрела вниз, на улицу Маленьких Бедняков, где чей-то голос продолжал надсаживаться от крика.

– У него привычка тормозить когда не надо! Неудивительно, что он напоролся на неприятность! – крикнул Зидор, подойдя ближе. – Папаша Зигон вез свою тележку с бутылками, а Татав как раз и вылетел из-за поворота. Я стою, не двигаюсь – знаю, что у него достаточно времени, чтобы проскочить. Но не тут-то было! Татав круто тормозит обоими задними колесами и – трах! – прямо в тележку.

Мели ликовала. Ее худенькое личико было обвязано черным платком, из-под которого виднелась аккуратно расчесанная светлая челка.

– Ох, и спланировал наш Татав! Ох, и спланировал! – восторгалась она. – Он бомбой пролетел через колючую проволоку Пеке. Ей-богу! Папаша Зигон только глаза вылупил!

– Старика-то не ушибли? – спросил Габи.

– Нет, но ему разбили две дюжины бутылок, и он ругается.

– Принесем ему пять дюжин завтра вечером, – сказала Марион. – Их там до черта, в яме за пакгаузом. Никто этого места не знает.

У Татава был глубокий порез под левым коленом и штаны перепачканы в желтой глине.

– А, чтоб тебе, чтоб тебе!... – растерянно повторял он.

Наконец, он с жалким видом протянул колесо Фернану, а все остальные стали осматривать лошадь.

Фифи, любимая собачка Марион, недоверчиво обнюхивала картонный остов и серый, покрытый длинными шрамами живот.

– Ну, кажется, на этот раз дело плохо, – заявил удрученный Габи. – Вилка сломана начисто, оба конца... Неплохо ты поработал, Татав!

Татав опустил свою большую рыжую голову и засопел.

Ребята были подавлены и точно лишились дара слова. У Фернана было тяжело на душе. Его лошадка! Другой такой не найти! Марион положила руку Фернану на плечо.

– Твой отец, может быть, сумеет ее починить? – тихо сказала она. – Еще раз...

– Не знаю, – отозвался Фернан, покачав головой. – Вилка сломана, понимаешь? Большая поломка! Малыш Бонбон проливал горькие слезы.

– Всегда, всегда так! – жаловался он. – Как только приходит моя очередь прокатиться, так лошадь и ломают...

Габи участливо наклонился к самому младшему члену компании и глухим голосом сказал ему:

– Не плачь, Бонбон! В следующий раз ты прокатишься три раза вместо двух.

– Ну да! Не будет никакого следующего раза, – пролепетал Бонбон, обливаясь слезами. – Лошади-то ведь нет!... На куски поломали.

Татав виновато втянул голову в плечи.

– Когда я увидел слева старика Зигона, я круто затормозил! – с отчаянием объяснял он. – Всякий бы так сделал.

– Ну да! Ты затормозил и прямо в него и угодил. Не могло быть иначе! – насмеялся Габи. – Тормозить-то вот и не надо было!

Все смеялись, кроме Фернана и Марион. Фернан взял колесо и руль и медленно побрел домой, волоча за собой лошадь. Остальные следовали за ним на расстоянии, держа руки в карманах и обсуждая происшествие.

Кроме этих десяти ребят и нескольких кошек, перебегавших от двери к двери, в этот туманный предвечерний час на улице Маленьких Бедняков никого больше не было. Все взрослые мужчины находились на путях, в пакгаузах, в будках стрелочников или в мастерских. Женщины были на поденной работе в богатых домах Нового квартала или на Вокзальной площади, на базаре, который по четвергам бывал открыт до вечера.

Фернан осторожно прислонил лошадь к ограде и вернулся к друзьям.

– Я ее пока оставлю здесь, – сказал он. – Папа сразу увидит, когда придет. Если вилку можно починить, он починит...

– А что мы пока будем делать? – обратился к остальным Зидор. – Ведь всего четыре часа.

– Можно пойти на базар, – предложил Габи. – Я бы поел чего-нибудь.

Они повернулись к Марион: она была казначеем. Марион пошарила в карманах своего пальтишка, перешитого из старой мужской куртки. Кроме пальто на ней была коротенькая серая юбчонка, из-под которой торчали длинные, худые ноги, прямые, как палки.

– Денег как раз хватает, чтобы купить по одному «поляку» на каждого, – заявила она, пересчитав свои медяки. – Да и то, если мадам Машерель не потребует двадцати франков старого долга...

– Надо попросту послать кого-нибудь другого, – подал мысль Габи. – Негра она не знает: он в тех местах никогда не шляется... Сбегай-ка, Крикэ, мы тебя будем ждать у вокзала.

Негритенок помчался по улице Союзников, подбрасывая монетки на ладони. Он гордился своим поручением.

Булочная Машерель изготавливала кроме пирожков некое подобие пудинга, очень черного и клейкого, и продавала по десяти франков за кусок: это и были знаменитые «поляки». Цена высокая, но приторно-сладкое тесто тяжело ложилось на желудок и усыпляло голод.

Компания медленно пересекла сквер Освобождения – небольшую площадку пожелтевшего газона, обсаженную редким бересклетом. Впереди шли Габи с Зидором и Жуаном. За ними следовали Татав, Фернан и Бонбон. Еле волоча ноги, обиженный малыш слушал старшего брата, который в четвертый раз повторял историю о том, как он затормозил, увидев слева старика Зигона. Три девочки шли вприпрыжку сзади и весело пересмеивались, несмотря на то, что день был холодный и тоскливый.

Фифи перебежала от одной группы к другой, надеясь на ласку или дружеское слово. Это была маленькая желтенькая короткошерстная левретка с длинным, тонким, крысиным хвостом. Марион нашла ее, как и всех прочих своих собак, за огородами. Когда-то на этом месте были пруды, но они высохли и покрылись зарослями, густыми, как джунгли. Из всех окрестностей и даже из Парижа сюда привозили больных, искалеченных, умирающих собак и оставляли на произвол судьбы. А Марион их подбирала, вылечивала и потом раздавала железнодорожникам. Но никогда она не расставалась со своими питомцами так просто: она дрессировала их, и собаки становились ее преданными друзьями. Они всегда безошибочно узнавали ее негромкий, особенный свист и бежали к ней.

Можно сказать, что не меньше половины собак, живших в этом железнодорожном поселке, прошли через руки Марион. И стоило ей показаться, например, в Бакюсе, как за ней увязывалась целая ватага псов, радостно вилявших хвостами. На ее попечение всегда бывало не меньше двенадцати больных собак одновременно. Она кормила их сухими корками и всякими отбросами, которые собирала у лавочников. Всю свою кривоногую шелудивую свору она призревала в саду, в самой глубине, в ящиках из-под мыла. Это было немного похоже на крольчатник. Мадам Фабер, мать Марион, только пожимала плечами и поднимала глаза к небу, но мешать добрым делам своей дочери все же не решалась.

Компания была уже у самой площади, когда Габи обернулся и подмигнул остальным.

– Рубло здесь! – сказал он. – Я слышу его голос...

Все прибавили шагу.

Базар занимал всю площадь и захватил даже часть улицы Союзников.

Было туманно, и многие торговцы зажгли ацетиленовые лампочки. Пятна белого или золотистого света, падая на шумную толпу, придавали базару праздничный вид. Мощное пыхтение маневрирующих паровозов постоянно доносилось со стороны станции. По временам со скоростью девяносто километров в час проносился курьерский, и тогда от грохота сотрясался весь поселок.

Ребята затесались в толпу. Рубло со своим лотком расположился, как всегда, в другом конце площади, под розовыми фонарями кафе «Паризьен». Он надсаживал глотку, зазывая покупателей, но никто как будто не интересовался его машинками для чистки овощей. Это

был противный субъект, с толстым желтым лицом, на котором были написаны лицемерие и подлость.

Как-то прошлым летом он вдруг стал орать, что Габи у него стащил зажигалку для газа, и Габи здорово влетело от инспектора полиции Синэ. А Габи ничего не брал: он вообще не был на это способен, и в его компании никогда не было воров. Чтобы покончить с этим делом, отец Габи, господин Жуа, который работал в депо механиком и весил не менее двухсот фунтов, пришел в следующий четверг на базар и при всех пригрозил Рубло обоими своими кулачищами. Этого было достаточно.

С тех пор каждый раз, когда Рубло приезжал со своим товаром в Лювины, Габи не отказывал себе в удовольствии прийти на базар со всей компанией поиздеваться над ним. Кроме того, было просто забавно послушать, как он зазывает покупателей. Щегольской вид торговца вызывал у покупателей подозрения.

Рубло внезапно увидел ребят, подходивших к его лотку.

– Наконец-то! Вот она, моя молодая публика! – закричал он притворно-добродушным тоном. – Вот они идут, ненастоящие знатоки! Они ничего не покупают, но они умеют ценить чудеса домашней техники. Становитесь полукругом, ребята! Не слишком близко только... Вот так! Я вам покажу мельницу Франсфикс, единственную в своем роде, неповторимую мельницу Франсфикс, совершенно незаменимую в хозяйстве. Это одновременно давилка для картофельного пюре, терка для сыра, резалка для овощей, мясорубка, ступка и дробилка. Ею можно пользоваться как угодно. Фабрикант специально направил меня сюда, чтобы я мог снабдить население этим чудом точной механики! Смотрите! Вот я беру морковку и начинаю...

Бонбон и Берта встали на цыпочки, чтобы лучше видеть.

– Он ничего не продаст, – насмешливо прошептала Марион. – Его машинки работают всего один раз. На другой день они годятся только для мусорного ящика.

– Он никогда ничего не продает, – согласился Габи, – или очень мало. Впрочем, ему на это наплевать! Похоже, у него здесь какие-то другие дела...

Фернан с удивлением обернулся к Габи.

– Какие дела? – спросил он.

– Не знаю, – ответил Габи с усмешкой. – Много есть людей, которые для вида чем-то торгуют, а потихоньку занимаются разными темными делишками.

Крикэ прибежал, запыхавшись, и принес десять «поляков», тщательно завернутых в лист шелковистой бумаги. Все столпились вокруг него. Габи занялся дележом. Он дал самые большие куски Бонбону и Крикэ, а самый маленький Татаву – пусть знает, как ломать лошадь. Потом все начали с увлечением жевать, не спуская глаз с порхающих рук Рубло, который уже успел превратить в кашу сырую морковку, картофелину, луковицу, яблоко, апельсин и кусочек сыра. Ужасная смесь!

Габи проглотил последний кусок, облизал пальцы и тихо подтолкнул Фернана локтем.

– Видел? – спросил он шепотом.

Фернан кивнул головой: он видел. Марион наклонилась, чтобы дать кусок своего «поляка» Фифи. Выпрямившись, она тоже увидела то, что поразило обоих мальчиков.

Рубло продолжал лихо демонстрировать свой товар; его неутомимый язык не переставал болтать, руки уверенно проделывали ряд движений: отвинчивали, привинчивали и мололи с невиданной быстротой. Но мысли его были далеко. Его желтая толстая физиономия была слегка повернута вправо, где виднелись черные строения вокзала. Не умолкая ни на минуту, он всматривался в них с напряжением, которое придавало его маленьким черным глазкам особый тревожный блеск.

Габи укрылся за спиной Татава и тоже незаметно повернулся в ту сторону. Оба ряда лавочек, загородивших этот угол площади, были полны народа, и с первого взгляда трудно было разобрать, что именно взволновало Рубло.

Вдруг Габи взглянул на безлюдную часть площади. Здесь появились прохожие: это были сменившиеся рабочие депо, жители квартала Ферран, докеры-арабы из Малого Люви-ньи и среди них высокий, худощавый человек в засаленной шляпе и военной шинели бутылочно-зеленого цвета – инспектор полиции Синэ.

Габи следил за зеленой шинелью. Она то появлялась, то исчезала среди базарных барачков. Потом Габи показалось, что инспектор ускорил шаг, как будто шел по чьим-то следам. У Габи были хорошие глаза – ему удалось заметить, что инспектор Синэ следит за человеком высокого роста, одетым в синюю рабочую блузу, каких на Сортировочной можно сотнями видеть в любой час дня и ночи. Один за другим они оба вышли из толпы и исчезли в темноте. Больше Габи ничего не видел.

Он обернулся к Рубло, тот продолжал разглагольствовать. Какая-то женщина и пятеро ребятшек присоединились к компании. Торговец стоял весь в поту, сдвинув шляпу на затылок. Марион не заметила ни Синэ, ни человека в синей блузе, бродившего вокруг базара. Но ее пронизательный взгляд заметил кое-что другое.

– Рубло чего-то боится! – прошептала она.

Это была мелочь – из тех, каким обычно не придают никакого значения, даже если случайно и обратят на них внимание. Через несколько секунд о них уже не думают. Однако не всегда можно их понять и объяснить.

Рубло продолжал трещать, но все больше производил впечатление человека, который чего-то страшно испугался.

– Ни фига вся эта машинка не стоит! – громко и уверенно заявил малыш Бонбон.

Все рассмеялись. Впечатление, которое произвела трескотня торговца, рассеялось. Публика стала расходиться. Габи увел свою компанию к витрине с чулками, фуфайками и шапками.

По дороге Фернан машинально обернулся.

– В чем дело? – спросила Марион.

– Рубло исчез! Он бросил весь свой товар и исчез! – воскликнул Фернан.

На углу улицы Союзников Татава и Бонбона окликнула мать. Она несла две сумки с овощами. Оба мальчика нехотя расстались с компанией.

– Не беспокойся за лошадь! – крикнул Фернан толстяку Татаву.

Становилось поздно. Ночь опускалась быстро, покрывая своим черным плащом улицы и туманные дали железнодорожных путей. Чудесный четверг¹ кончался.

Вскоре ушли Крикэ Лярикэ и Жуан. Берта Геден поцеловала обеих подружек и убежала; ушел и Габи, уводя с собой Зидора и Мели. Они все трое жили далеко. Марион осталась с Фернаном.

Мальчик взглянул на часы старой церкви, которая стояла в глубине площади и возвышалась над улицей Маленьких Бедняков.

– Папа уже, наверное, вернулся, – сказал он вполголоса.

Марион свистнула свою собачку. Держась за руки, дети пересекли сквер. Завернув за угол, Фернан сразу увидел, что перед дверью его дома поперек тротуара что-то лежит. Они подошли ближе и широко раскрыли глаза: это была их лошадь.

– Ты бы лучше спрятал ее дома, – посоветовала Марион. Фернан бережно поднял свою несчастную лошадку и поставил ее на задние колеса.

– Должно быть, какой-нибудь прохожий свалил ее, – сказал он грустным голосом. – Эх, досадно! А ведь я ее прислонил к стене, она никому не мешала. Ее все знают, мою лошадку!

– Есть люди, которые всё ломают просто так, для удовольствия, – заметила Марион. – Осмотри ее хорошенько...

---

¹ Во Франции выходные дни в школе – воскресенье и четверг.

Фернан повертел оба колеса, надавил рукой на седло – всё в порядке.

– Ладно! – сказал он с удовлетворением. – Если папе удастся починить вилку, может быть, в субботу или в воскресенье мы опять будем кататься. Папа не подведет!

Подняв голову, он увидел тень, потихоньку приближавшуюся к ним со стороны сквера. В желтом свете фонаря Фернан узнал Рубло. Шляпа была у него спущена на глаза, пальто расстегнуто. Он остановился как вкопанный и, видимо, растерялся, увидев детей.

– Что вам здесь надо? – сердито спросил его Фернан. – Это наша улица...

Рубло не ответил. Он подошел еще ближе и стал обходить ребят, как будто намереваясь прижать их к стене. Поняв это, Марион засунула два пальца в рот и издала пронзительный свист, который долго еще отдавался в безлюдном квартале.

Рубло с ужасом увидел, как из глубины улицы, точно по волшебству, появились три громадные, лохматые, необычайно уродливые собаки. Они мчались прямо на него, молча, без лая. Их внезапное появление было похоже на страшный сон. Рубло живо повернулся и со всех ног бросился бежать в сторону сквера. Марион расхохоталась.

Три собаки пробежали мимо нее. Это были датский дог Цезарь, легавая Гуго и овчарка Фриц – три самые противные собаки во всем квартале, бывшие пациенты ветеринарной лечебницы Марион на улице Маленьких Бедняков. Марион щелкнула языком. Собаки немедленно прекратили преследование Рубло и, виляя хвостами, выстроились у ноги девочки, как и подбаивают хорошо дрессированным собачкам. Фернан держался за бока.

– Это еще что! – заметила Марион. – А вот стоит мне свистнуть, когда я бываю в квартале Бакюс, как тут же их прибегает не меньше полусотни. Собаки не забывают...

Она погладила своих громадных псов. А те полюбезничали с Фифи, подняли задние ножки у стены и ушли по домам, куда-то в конец улицы Сесиль.

– Хочешь, я немного побуду с тобой? – предложила Марион. – Мама, правда, ждет меня, но пять минут...

– Не стоит, – ответил Фернан, поглядывая в сторону вокзала. – Папа должен скоро прийти.

– А если тот вернется?

– Ну, что ты! Он трус...

– Хотела бы я знать, что ему от нас нужно было?... – встревоженно пробормотала Марион.

– Бывают такие люди. Они способны взбеситься из-за любого пустяка, – сказал Фернан. – Должно быть, Рубло разозлился на нас из-за Бонбона... Иди, Марион! Не задерживайся.

Марион поцеловала своего приятеля в щеку и отправилась домой. Фифи семенила впереди. Дойдя до улицы Сесиль, Марион обернулась и в последний раз помахала Фернану рукой. Только теперь Фернан считал веселый четверг окончанным.

Вернувшись с работы, его отец увидел, что мальчик сидит, прижавшись к садовой решетке, и держит в руках свою безголовую лошадь.

– Мама стряпает у кого-то в Новом квартале, – сообщил Фернан отцу. – Она вернется только в восемь часов...

– Надо было подождать меня у соседей, а не мерзнуть под дверью, – проворчал отец. – Входи...

Фернан вошел в дом, таща за собой лошадь.

– Ну, что вы делали хорошенького сегодня? – спросил отец.

– Лошадь поломали, – пробормотал мальчик, опустив голову. – Переднее колесо совсем отвалилось...

– Опять! – беззлобно вздохнул мсье Дуэн.

– И, кажется, на этот раз всерьез.

Дуэн зажег в кухне свет и положил свою сумку на стол.

Это был кроткий, добрый человек с немного грустным взглядом и длинными седеющими усами, закрывающими всю нижнюю половину лица.

– Ну что ж, посмотрим! – сказал он, опускаясь на стул.

Мальчик подтолкнул лошадь, и она задом вошла в кухню. Колеса никогда не смазывались и потому отчаянно скрипели. Дуэн стал осматривать повреждения.

– Фу, черт, вилка сломана! – воскликнул он.

Фернан горестно развел руками. Отец снова вздохнул, зажал руль между колен, внимательно осмотрел сломанную вилку и умелой, опытной рукой рабочего ощупал концы.

– Ничего не поделаешь, – заявил он. – Простая спайка долго не продержится, вы только разобьете себе мордашки!

Фернан тихо заплакал. Слезы текли по его щекам и падали на блестящий плиточный пол. Отец искоса взглянул на сына и тихонько положил руль на край стола.

– Не плачь, сынок, – сказал он хриплым голосом. – Завтра утром по дороге на работу я зайду в мастерскую службы тяги. Мой приятель Росси в свободную минутку сделает нам новую вилку. Ему это ничего не стоит... Досадно только, что старую невозможно вытащить. Придется ее распиливать на месте, и все товарищи поднимут меня на смех, когда я появлюсь с этой клячей под мышкой...

– Можно бы отвинтить оба колеса, – посоветовал Фернан, улыбаясь сквозь слезы. – Все-таки легче будет нести. У нее уже и так головы нет, а когда и колес не будет, то чего же тут смеяться...

Худенькая белокурая мадам Дуэн вернулась в половине девятого очень уставшая, но, как всегда, довольная. Она рассмеялась, увидев мужа и сына сидящими на полу и занятыми лошадью.

– Я уже все знаю, – сказала она. – Мама Зидора рассказала мне по дороге. Говорят, у Татава искры из глаз посыпались! Вот увидите, вы себе когда-нибудь головы расшибете...

– Оставь их! – ответил отец. – Надо же детишкам побаловаться! Если не теперь, то когда? В двенадцать лет поздно будет.

Он отцепил оба колеса и выставил лошадь в переднюю. Потом он стал что-то насвистывать и тщательно мыть руки под краном. Жена обернулась.

– А сам-то ты много баловался тридцать лет назад, когда жил в бараке? – со смехом спросила она.

– Я-то нет... – ответил Дуэн. – Но что из того?

Глава 2

ПРОЩАЙ, ЛОШАДКА!

Марион жила с матерью в самом конце улицы Маленьких Бедняков, в ветхом домике, один фасад которого смотрел на дорогу Черной Коровы.

Никто в точности не знал, откуда взялось странное название этой дороги. Марион, например, считала, что на черную корову похож только старый, отслуживший и заброшенный паровоз, который уже лет тридцать ржавел на запасных путях Сортировочной. Все рельсы были здесь давно убраны. Над унылыми железнодорожными путями возвышался один только этот старый паровоз. Под ним еще лежали два куска рельсов, но и те почти целиком ушли в глину. Летом, на солнце, он был красновато-коричневым и казался странным на этом лугу, как гип-попотам среди ромашек. Зато под дождем он действительно становился черным и на фоне свинцового неба имел довольно-таки мрачный и даже угрожающий вид.

Осенью и зимой, когда бушевали бури, его разбитый старый котел издавал жалобный вой, и ему подвывали двенадцать собак маленькой Марион.

На следующий день после школы Габи повел самых сильных из своей компании на пустырь, лежавший вблизи пакгаузов фирмы Сезара Аравана. Среди старых, почти развалившихся деревянных вагонов там валялись кучи ржавого железа, обгорелые шпалы, искривленные рельсы, – словом, это было свалочное место. Марион хорошо знала здесь каждый уголок. Она повела своих друзей прямо к последнему вагону. Там лежало множество пустых бутылок.

Ребята выстроились цепочкой и быстро сложили пятьдесят штук в детскую коляску, которую для этой цели привезла Берта. Потом Габи вместе с Фернаном и Зидором пошли в Бакюс. Коляску толкали все трое по очереди.

Папаша Зигон обомлел, когда ребята ввалились в его жалкую лачугу с таким грузом. Он уже все забыл. Главное, у него, видимо, имелись не только пустые бутылки, и он успел изрядно хлебнуть из них.

По дороге домой мальчики сделали крюк и пошли через вокзал – просто веселья ради.

– И ведь неважная была лошаденка, – задумчиво сказал Габи. – Картон и три колеса. А вот нет ее, и со вчерашнего дня стало пусто... Как ты думаешь, твой отец выполнит свое обещание?

– Во всяком случае, сегодня утром, уходя на работу, он взял лошадь с собой, – ответил Фернан. – Мсье Росси, конечно, ее починит. У него есть все, что для этого нужно. Но придется подождать – вряд ли она будет готова к воскресенью.

– Что же мы пока будем делать? – заныл Зидор. Он был удручен.

– В «Эдеме» идет цветной ковбойский фильм, – сказал Фернан. – Мели видела снимки по дороге в школу. Мировая картина!

– Дорого, – вздохнул Габи. – У Жуана и негра никогда нет ни гроша. Они не виноваты, но придется платить за них. А у нас в кассе пусто.

– Марион все устроит, – ответил Фернан.

В кафе было много народу. Проходя мимо, Габи заглянул в зеркальное окно.

– Не часто Рубло шатается здесь в такой день, когда нет базара, – внезапно сказал он друзьям. – Посмотрите-ка...

Торговец сидел в глубине зала с двумя неизвестными в меховых канадских куртках, которые что-то ему говорили, наклонившись через стол. Они почти касались друг друга шляпами. Видимо, разговор был захватывающе интересный.

Фернан обернулся, услышав позади себя торопливые шаги. В ярком свете кафе внезапно появилась бутылочно-зеленая шинель инспектора Синэ. Зидор и Габи подтолкнули друг друга:

на левой скуле Синэ была полоска ярко-розового липкого пластыря. Она забавно выделялась на его землистом лице. Синэ не заметил ребят и не проявил интереса к посетителям кафе. Вскоре он исчез в темноте улиц.

– Здоровая у него ссадина! – усмехнулся Габи. – И совсем свежая...

– А он как будто очень доволен собой, – с удивлением заметил Зидор.

– Помнишь вчерашний вечер? – спросил Габи. – Синэ шел по пятам за каким-то человеком между вокзалом и сквером Освобождения. Что-то там произошло... Но что именно?

Отец Фернана пришел с работы около восьми вечера. Он пришел с пустыми руками. Фернан ничего не ждал, он только молча глянул. Отец покачал головой.

– Я видел Росси, – сказал он, как бы оправдываясь. – Ведь он починит вам лошадь бесплатно – я не могу его торопить.

Всю субботу шел проливной дождь. После школы Фернан попросился с товарищами и сразу пошел домой: в такую собачью погоду нечего делать на улице. А Марион побежала в своем промокшем плаще с одной улицы на другую, стараясь как-нибудь сколотить пятьсот франков, чтобы компания могла в воскресенье пойти в кино. Когда выскребли из карманов всё, что там было, то едва набралось двести пятьдесят франков, и Марион дала себе слово во что бы то ни стало раздобыть до вечера недостающую сумму. Но никто не верил в чудеса. Все понимали, что не будет ни лошадки, ни кино.

– А почему бы нам не продать яму с бутылками? – подал мысль Татав. – Папаша Зигон с радостью купит всю партию.

– Не все можно продавать, – недовольным тоном ответила Марион. – Эти бутылки не принадлежат никому и принадлежат всем. Если я их случайно нашла, это еще не значит, что мы можем распорядиться ими, как нам вздумается. На что это будет похоже, если мы продадим старику все бутылки? Мы дети бедняков, это правда, но мы не дети жуликов!

Ровно в шесть она появилась у Дуэнов. Фернан сидел дома один: мать ушла, и ему было скучно, хоть плачь.

– Есть все пятьсот франков! И даже немного больше, – объявила Марион, спокойно улыбаясь. – Надеюсь, ребята будут довольны. Хотя кино все-таки не заменит лошадки...

– Как это тебе удалось? – полюбопытствовал Фернан.

– Одна старушка дала. В Новом квартале... Ветеринар чуть не отравил ее пекинскую собачку. Он ее пичкал лекарствами. А я два дня поила ее отваром из трав и поставила на ноги. Обычно я ничего не беру за лечение собак, но на этот раз я сделала исключение. Из-за лошадки! Не можем же мы целое воскресенье сидеть и смотреть друг на друга!

Не прошло и пяти минут, как в замке щелкнул ключ: это пришел отец Фернана.

– Готово! – сказал он, подмигнув детям. – Помогите втащить ее в дом...

Дождь перестал. Обмытая мостовая блестела в желтоватом свете фонарей. Улица Маленьких Бедняков всегда бывала особенно оживленна в субботу вечером: шли с работы железнодорожники, было много освещенных окон, много распахнутых дверей, а в маленьком кафе на улице Союзников всегда полно народа до десяти вечера.

Лошадка без головы стояла на своих трех колесах в садике, покрытая мешком из-под угля.

– Росси починил колеса, смазал втулки и выпрямил погнувшиеся спицы, – сообщил отец Фернана. – Замечательная работа! Надо будет его отблагодарить!...

Они втроем втолкнули лошадку в кухню, чтобы полюбоваться ею при свете. Фернан снял мешок и погладил рукой новую вилку. Росси покрыл ее зеленой вагонной краской.

– Можешь теперь кататься! – воскликнул отец. – Выдержит...

Марион схватила тряпку и обтерла туловище лошадки, запачканное угольной пылью, а Фернан поднимал колеса одно за другим, проверяя, как они вертятся. Дуэн смотрел на детей и нервно потирал руки.

– Со мной случилась смешная история! – начал он рассказывать. – Какой-то тип вышел из кафе и вдруг хватает меня за руку и спрашивает, что это я тащу. Я поднимаю мешок и показываю ему лошадку. Тогда он говорит: «Даю тебе за нее пять тысяч франков!» Вначале я подумал, что он шутит, но нет – он, оказывается, не шутил. Он шел за мной до самого сквера и все поднимал цену. Под конец он уже предлагал мне десять тысяч... Я не знал, как и отвязаться от этой скотины.

Дети подняли головы.

– Кто бы это мог быть? – спросил Фернан. – Не Рубло?...

– Нет, это какой-то незнакомый: здоровенный малый, неплохо одетый, только небритый. И он как будто не шутил. Но все-таки десять тысяч франков за эту старую кукушку? Безумие!

Марион и Фернан молча переглянулись – им стало не по себе. Их радость как-то сразу испарилась. Лошадка, правда, была здесь, опять с ними, но рассказ Дуэна все испортил. Тот заметил расстроенное лицо сына и неправильно все понял.

– Ну хорошо! – проворчал он. – Не надо было тебе это рассказывать. Теперь ты будешь жалеть... Помни, сынок, хорошенько, что твоя лошадка не стоит таких денег. Она ничего не стоит! Ровно ничего!...

– Лошадка моя! – сердито сказал Фернан. – Я не продам ее ни за десять тысяч, ни за двадцать. Пусть он только сунется, этот субъект!

Разумеется, первым прокатился в воскресенье Фернан – он должен был проверить прочность новой вилки.

– Теперь-то она уж не так скоро сломается, – с удовлетворением сказал мальчик. – Лошадь еще никогда так хорошо не бегала.

Погода изменилась к лучшему, сквозь туман пробивалось солнце. Ребята быстро установили очередь, и началось веселое катание. Габи дважды побил собственный рекорд быстроты. Бонбону, как и было обещано, дали прокатиться три раза. Девочки бросались вниз, как безумные, волосы их развевались по ветру. На всем протяжении улицы Маленьких Бедняков из окон выглядывали недовольные или смеющиеся лица. Прохожие, которым на мостовой оставалось мало места, быстро вскакивали на узкий тротуар.

– Нажимай! – кричали ребята.

И Тагав со своим забинтованным коленом нажимал вовсю, только пятки терлись о мостовую, чтобы сдержать прыть безголовой лошади. И Марион нажимала, хохоча. Ее черный плавок развевался и «утирал нос» серому першерону² с завода холодильников «Модерн», когда он появлялся на перекрестке. Кучер орал, а лошадь без головы точно вставала на дыбы; дойдя до подъема, она отрывалась от земли всеми своими тремя колесами сразу и без церемоний сбрасывала всадника на грязную насыпь.

В воскресенье вечером на улице Маленьких Бедняков было оченьлюдно: все возвращались из кафе, из кино и с футбольной площадки. И тут Фернан заметил посторонних. Это были два большеголовых субъекта. Оба были не похожи на местных жителей. Они уже несколько раз спускались по левому тротуару до Черной Коровы и при этом как будто совершенно не интересовались бешеной скачкой лошади без головы. Ребята смеялись и оживленно разговаривали, и никто не обращал внимания на этих прохожих, у которых только и было особенного, что роскошные канадские куртки, подбитые серым кроликом. Вдруг Фернан заметил, что они стоят уже на правом тротуаре, у решетки садика Марион. Половина компании собралась внизу, чтобы встречать тех, кто спускался на лошади с пригорка, а оба незнакомца молча, со злобным видом, не двигаясь с места, наблюдали за детьми.

– Хватит на сегодня! – сказал встревоженный Фернан.

---

² Першерон – порода лошадей-тяжеловозов, разводится в округе Перш.

Марион тоже заметила незнакомцев; она настороженно кивнула старшим мальчикам. Тогда Габи заставил малышкой замолчать. Все десять ребят поднялись к дому Дуэнов, тесным кольцом окружив Фернана, который вел лошадь. С помощью Марион и Габи он водворил ее в кухню под ласковым взглядом отца, отдохавшего у печки.

– Ну как, работает? – спросил он Фернана.

– Прекрасно! Как новая! – ответил мальчик и после минутного молчания добавил: – Только неприятно, что какие-то люди стали вертеться вокруг нас. Не нравится мне это...

Отец отложил трубку в сторону:

– Какие люди?

– Вот, посмотри, – сказал Фернан, бесшумно приоткрыв дверь.

Отец подошел и бросил взгляд на улицу. Она уже опустела. Правда, посетители еще входили в кафе и выходили, но остальная часть квартала была пустынна. Двое в канадских куртках медленно поднимались по противоположному тротуару. Они прошли мимо, не оборачиваясь. Дуэн медленно закрыл дверь.

– Десять тысяч за какую-то лошадь без головы! – проворчал он, усаживаясь на свое место. – Что это еще за комбинация? Бывают же чудачки!...

– Это вчерашний? Ты его узнал? – спросил Фернан.

– Я не уверен. Пожалуй, тот, что повыше ростом, но я не уверен. Слишком темно – не видно. Во всяком случае, если кто-нибудь станет к вам приставать, скажите нам. А ты, Габи, скажешь отцу... Мы не позволим этим негодьям надуть вас...

– Пусть попробуют! – смеясь, сказала Марион.

Незнакомцы подождали до следующего вторника и только тогда встретились с ребятами. Было уже почти пять часов, но небо на западе было ясное, закат окрашивал облака в великолепный пурпур, нежно-розовые тона ложились на улицу Маленьких Бедняков.

Половина компании с большим Габи во главе находилась перед домом Дуэнов, остальные ждали внизу, на дороге Черной Коровы, испуская восторженные крики каждый раз, когда лошадь показывалась из-за поворота. Маленький Бонбон по обыкновению дежурил на перекрестке. Зидор только что начал второй спуск: он мчался визжа, как поросенок, которого режут. Но вот прошло три минуты, а Зидор не возвращался.

– Что это он там дурака валяет? – заворчал Жуан, с нетерпением ожидавший своей очереди.

Последние два дня все было спокойно, и Габи уже забыл предупреждения Дуэна. Вдруг он спохватился и закричал:

– Идемте! Скорее!...

Все побежали вниз, к спуску. А там Фернан, Зидор и две девочки отбивались от двух субъектов в канадских куртках. Один схватил лошадь за руль и пытался вырвать ее у ребят. Но Берта и Марион крепко вцепились в правое колесо, Зидор и Фернан – в левое, Мели – в обрубки задних ног, и все пятеро орали во всю глотку, поддерживаемые двенадцатью собаками Марион, которые яростно лаяли за садовой оградой. Увидев собак, незнакомец выпустил лошадь из рук.

– Они хотят купить у нас лошадь! – крикнул Фернан товарищам. – А мы... не хотим ее продавать...

– Десять тысяч! – орал тот из незнакомцев, который был повыше ростом. – Это не пустячки! За десять тысяч у вас будет новая лошадь с педалями, с головой, со всем, что полагается!

– Дудки! – грубо возразил Габи. – Таких лошадок, как наша, уже давно не делают. Она принадлежит Фернану. У нас больше нечем играть, понимаете? Она не имеет цены.

– Слышишь, что он говорит, Пепе? – усмехнулся человек, обращаясь к своему спутнику. – Дурачки!...

Тот медленно расстегнул куртку и вытащил толстый бумажник.

– Довольно нести ерунду! – сказал он угрожающим тоном. – Вот деньги! Берите и смывайтесь. Нам нужна эта лошадь!

– Вы ее не получите! – решительно заявил Габи.

Легким толчком Фернан потихоньку подкатил лошадь к решетке. Вдоль тротуара на ее защиту выстроились десять ребят. Их беленькие и смуглые лица были освещены пылающим закатом. Силуэты мрачных широкоплечих, массивных незнакомцев вырисовывались на фоне покрытого газоном откоса. В глубине участка Пеке за этой странной сценой наблюдал ржавый остов Черной Коровы.

– Мы сейчас другим способом заставим тебя понять, в чем дело, – проворчал тот, кто назывался Пепе, и шагнул в сторону Габи.

Мальчик не двигался с места.

Остальные столпились вокруг него. Марион исподтишка смеялась, она уже подносила два пальца ко рту.

– Вы не получите лошади! – уверенно повторил Габи. – Вы ее не получите, даже если будете бить нас. Вас двое здоровенных буйволов, а я вас не боюсь!

Маленькие свиные глазки Пепе заблестели.

– Подожди, парень! Я тебе поддам ногой куда следует, – пробормотал он сквозь зубы.

– А вот и не поддадите! – насмешливо ответил Габи. – Это только папа может себе позволить, да и то он здорово набегаются по кварталу, пока догонит меня.

Все ребята расхохотались.

– Ну-ка, давай, Красавчик! – обратился Пепе к товарищу. – Давай-ка сначала утрем нос вот этому...

Марион свистнула. Пепе уже было рванулся к Габи, а тот приготовился, сжавшись в комок. Хулиган получил головой в живот: он согнулся вдвое и со стоном рухнул в канаву. Тогда второй, кличка которого была Красавчик, замахнулся на Габи. В этот момент появилась первая собака. Это была Гуго, легавая. Бесшумно, но с бешеной скоростью неслась она по тенистой стороне откоса и прыгнула Красавчику прямо на плечи. Красавчик взвыл от ужаса и стал дрыгать ногами. Поднявшись, Пепе наскочил на Фрица и Цезаря, которые вылетели из-за угла. Датский дог разинул огромную пасть.

Все три собаки, запыхавшиеся, с блестящими, как раскаленные угли, глазами, принялись рвать на бродягах их канадские куртки, за которые было легко ухватиться зубами. Они сначала вцепились в верхнюю бумажную материю, а потом с аппетитом принялись за подкладку из ватина и серого кролика. Роскошное было угощение! Оба незнакомца катались по земле, защищая головы руками, и отбивались от собак. За решеткой надрывались от лая двенадцать других питомцев Марион.

– Помогите! Помогите! – кричал Красавчик хриплым голосом.

Марион только и ждала этой мольбы, чтобы отозвать больших собак. Те послушно подошли к ней. Гуго еще держал в зубах меховой воротник. У Цезаря в пасти оказался целый рукав. Фриц облизывал залитые кровью губы. Он был самый свирепый из всех, он мог часами подкарауливать одинокого прохожего, чтобы доставить себе удовольствие искушать его. Незнакомцы поднялись на ноги, прерывисто дыша, как тюлени.

– Нам было очень приятно услышать, что вы зовете на помощь, – вежливо проговорил Габи. – Только никогда больше не возвращайтесь сюда!

– Мои собаки не лают! – добавила Марион, щуря свои кошачьи глаза. – Вам ничего не поможет, они нападут на вас. А на лошадку посмотрите хорошенько и проститесь с ней...

Бродяги убирались, прихрамывая.

– Они больше не вернуться... – пробормотал Зидор, провожая их взглядом. – Еще минута – и собаки укусили бы их носы.

– Если они что-то задумали, то непременно вернуться! – убежденно сказал Жуан.

Фернан заинтересовался этим замечанием.

– Да что же в моей лошадке необыкновенного?! – воскликнул он. – Не из золота же она! Ведь развалина!

– А кто ее знает! – продолжал Жуан. – Может быть, в ней есть что-то особенное, чего мы не видим. А они увидели...

Дети начали рассматривать лошадку с новым интересом, как будто эта жалкая игрушка только сейчас попала к ним в руки. Но за это время она не изменилась, новая голова у нее все-таки не выросла. Единственная ее ценность заключалась в том изумительном удовольствии, которое она ежедневно доставляла ребятам. Крикэ Лярикэ нежно поглаживал своими черными ручонками толстое серое туловище.

– Ничего не понимаю, – заявил Габриэль, покачивая головой. – Если бы маленькие хулиганы из квартала Ферран хотели отнять у нас лошадку, еще понятно! Но эти взрослые?

Закат быстро становился лиловым. Темнота залила город, покрывая домики Лювины Камбруз, доки, мастерские, железнодорожные пути, где феерией сверкали разноцветные сигналы. Стало прохладно.

– Пора по домам, – сказала Марион, дрожавшая в своей мужской куртке.

Ребята молча поднялись по улице Маленьких Бедняков. Все десятеро сомкнулись вокруг лошадки. Фернан тащил ее за руль, остальные ее поддерживали. Это была общая лошадка.

В тот же вечер Фернан рассказал дома всю историю, не пропустив ни одной подробности.

Отец молчал – он был слишком удивлен. Он машинально оглянулся на стоявшую в глубине кухни лошадку, и ему показалось, что в ней есть что-то таинственное.

– Не лучше ли было бы поговорить об этом с кем-нибудь из полиции, – пробормотал он наконец.

Он этого не сделал. Рассказывали, что инспектор полиции Синэ поймал какую-то крупную «птицу». Это с ним случалось крайне редко. Так что попробуй-ка теперь поговорить с ним о какой-то лошадке, да еще без головы! И кроме того, вмешательство полиции ничего хорошего не даст: Синэ замучает ребят допросами просто так, чтобы себя показать, станет вызывать родителей, а это всегда производит плохое впечатление на соседей. Нет!

Однако Дуэн был настолько обеспокоен, что на следующий день, возвращаясь с работы, завернул в мрачный квартал Бакюс, где находились лачуги старьевщиков.

Старик Бляш при свете керосиновой лампы разбирал свое тряпье. Зимой и летом он носил два пальто, напяленных одно на другое; на уши у него была надвинута позеленевшая от времени шляпа, какие носят служители церкви. У старика была смешная рыже-черная борода, похожая на ежа. Он подстригал ее каждые две недели. Старик был до отвращения грязен, но человек он был добродушный и разговорчивый. Приход Дуэна обрадовал его: он вытащил бутылочку красенького из шкафа, и оба уселись около лампы.

– Я пришел к тебе по поводу этой проклятой лошади, – заговорил Дуэн, смущенно почесывая в затылке.

– По поводу лошади? – спросил изумленный Бляш.

– Ну да! Лошадь на колесиках...

Старьевщик с хохотом откинулся на спинку стула.

– А я не понял! – сказал он. – Я все собираюсь купить лошадь у крестьян в Лювины.

Дуэн рассказал только часть неприятностей, которые свалились на ребят, так как хотел поскорее перейти к единственному вопросу, представлявшему, по его мнению, интерес: откуда взялась эта лошадка?

– Вот теперь, когда ты навел меня на эту мысль, – ответил старьевщик, – я вспоминаю, что лошадь попала ко мне в руки довольно странным образом. Только предупреждаю, это не имеет никакого отношения к истории, приключившейся с твоим мальчиком... Знаешь Зигона, торговца бутылками? В прошлом году, в это же время, он сообщил мне, что наконец стали

расчищать мусор в Малом Лювиньи – знаешь тот угол, который пострадал во время бомбардировки железнодорожных путей в сорок четвертом году? Там было много всякого хлама, и каждый мог брать что угодно. Вот я и поехал поглядеть, нет ли чего для меня. Но я опоздал. Все, что получше, унесли другие: не оставалось ни одной тряпочки, ни одного кусочка железа. Все же я стал искать. И что же ты думаешь, под грудой обломков я увидел маленькую звериную головку, которая смотрела на меня круглыми глазенками. Я сначала решил, что там собачка спряталась. Беру свой крюк, сдвигаю камни в сторону, и – бац! – голова катится мне под ноги. Это была голова картонной лошадки. Ее начисто срезало, как бритвой! По-видимому, осколком бомбы. Я осторожненько расчистил место и нашел туловище. Оно лежало под грудой мусора. Вот не поверишь, а меня прямо передернуло... «Давай, думаю, пошарю еще немножко и, верно, найду малыша, который на этой лошадке катался». Я как раз кончал вытаскивать колеса, как вдруг появляются каких-то два парня – руки в карманах, рожи мерзкие, глаза противные, жульнические! Один был ростом повыше и говорит мне: «Валяй, валяй! Не стесняйся! Будь как дома! Уходя, положи ключ под коврик!» Но я, знаешь, таких парней не больно испугался. Я его отправил прямо к черту. А он даже не рассердился. «Тебе это может показаться странным, – он мне отвечает, – а ведь лошадка-то раньше была моей, когда дом стоял целый...»

– Ну что бы ты сделал на моем месте, Дуэн? Я ему сразу предложил забрать лошадь и здорово его этим рассмешил. «Ну, что ты! – говорит он. – Не стоит! Теперь она мне уже ни к чему. Я теперь на четырех колесах катаюсь, так оно скорее!» Тут-то я ему и говорю, прямо в глаза: «Я знал всех детишек в Малом Лювиньи. Должно быть, я и тебя знал. Как тебя звать-то?» Что-то не понравился ему мой вопрос. Да и товарищу его тоже. «Занимайся-ка ты лучше своими делами, – говорит он мне. – Забирай лошадь и катись отсюда подальше...», «Они ушли по дороге на Понсо, а мне все-таки удалось вспомнить имя этого молодчика. Некий Малляр, его родители содержали кафе „Спорт“ в Малом Лювиньи. У него всегда рот был разинут и морда набок. Можешь мне поверить, с годами мерзавец не похорошел! И вот что я знаю наверняка: его искала полиция по делу о вооруженном грабеже. Он, верно, полагал спрятаться на старом пустыре, а может быть, и еще новое дельце задумал в наших местах. Во всяком случае, он сюда заявился на свою беду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.